

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.19>

UDC 94

LBC 63.3(0)4-99

Submitted: 10.06.2023

Accepted: 16.10.2023

ON THE FISCUS OF JUSTINIAN: TO THE POSITION OF THE QUESTION

Vadim V. Serov

Barnaul Orthodox Seminary, Barnaul, Russian Federation;
Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Abstract. In the historiography of the Early Byzantium, the concept of “an Emperor’s fiscus” mismatches with the late ancient original. The fiscus was not a synonym for the state treasury, but it was simultaneously the funds for public purposes and private and personal resources. Emperors supported this ambiguous legal nature of fiscus, implying some specific targets of their policy. The balance varying between them between public and non-public constituents in the fiscus is called fiscal policy in its own sense. Emperor Justinian I carried out the same policy apropos the fiscus. As with some of his predecessors, he sustained the originally formed dual nature of the fiscus, consistently striving for the separation of private from public. Justinian admitted a little identification of the public function of fiscus and the state (public) treasure, but only on the level of abstract concepts. Thereby, the Emperor did demonstrate the separation of his personal and private property from the state. At the same time, the emperor’s personal property, as well as the fiscus as a whole, was a part of the nationwide resources from the point of view of Justinian I. Thus, the fiscal policy of Justinian was a continuation of the fiscal policy of Zenon and Anastasius I, but it also had a few features. They were expressed, in particular, in the use of an unusual term for Roman legislation, the “fiscus”, in a Greek way.

Key words: Justinian I’s legislation, fiscus, state treasure, public and private parts of the fiscus.

Citation. Serov V.V. On the Fiscus of Justinian: To the Position of the Question. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 260-269. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.19>

УДК 94

ББК 63.3(0)4-99

Дата поступления статьи: 10.06.2023

Дата принятия статьи: 16.10.2023

ФИСК ЮСТИНИАНА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Вадим Валентинович Серов

Барнаулская православная духовная семинария, г. Барнаул, Российская Федерация;
Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В историографии ранневизантийской истории сложилось устойчивое представление о том, что императорский фиск – это казна государства. Соответственно, никакой, в том числе персональной политики императоров в отношении фиска как частноправовой структуры с этой точки зрения быть не могло. Данные источников, однако, показывают, что все ранневизантийские императоры проводили свою фискальную политику, целью которой было нахождение такого соотношения частных и публичных элементов, составлявших фиск, которое наиболее соответствовало бы текущему моменту. *Методы.* Анализ данных, преимущественно законодательных, основывается на концепции правовой двойственности фиска и императорской фискальной политики. Автор прежде уже обращался к теме фискальной политики ранневизантийских императоров до Юстина I включительно, так что концепция не только получила апробацию, но и создала основу для сравнения фиска в юстиниановскую эпоху с фиском в правление предшественников Юстиниана. *Анализ и результаты.* Подобно некоторым из предшественников, Юстиниан I поддерживал изначально сложившуюся двойственную природу фиска, отделяя частное в нем от публичного. Сближение с государственной казной публично-правовых частей фиска не означало фактического их отождествления, которое нередко

допускалась на уровне отвлеченных понятий. Тем самым император демонстрировал обособленность от государства собственного имущества. Ему Юстиниан уделял большое внимание, что проявлялось, в частности, в своеобразном понимании того явления, которое определялось словом «фиск». Он, в частности, являлся для Юстиниана несомненной частью общегосударственных ресурсов. Кроме того, слово «фиск» использовалось в законодательстве Юстиниана чаще и разнообразнее, чем в предыдущие десятилетия.

Ключевые слова: законодательство Юстиниана I, фиск, государственная казна, публично-правовая и частноправовая природа фиска.

Цитирование. Серов В. В. Фиск Юстиниана: к постановке вопроса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 260–269. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.19>

Введение. За все время изучения так называемой юстиниановской эпохи, охватывающее не одно столетие, не появилось специальной публикации об императорском фиске в правление Юстиниана I. Историография финансов и, в частности, финансового управления в ранней Византии неизменно сосредоточивалась на составе, функциях и компетенциях таких структур, как *comitiva rei privatae* и *comitiva sacrarum largitionum*, а также на их развитии от складывания вплоть до VII в. [20; 19, p. 411–469; 17; 15, S. 18–115]; слову «фиск» в ней всегда придавалось значение не конкретного явления, но абстрактного термина, обозначающего многоаспектный интерес верховной власти в сфере финансов. Данная историографическая ситуация обусловлена, как представляется, двумя взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, идущей из раннего средневековья традицией именовать в официальных документах «фиском» казну государства; данная традиция, основанная на упрощенном понимании в варварских королевствах того, что в поздней античности называлось фиском, укрепилась благодаря финансовой науке Нового времени¹. Во-вторых, психологической особенностью человеческого восприятия какого-либо понятия на протяжении длительного временного отрезка, которая заключается в последовательном, хотя и непредумышленном изменении смыслового наполнения общественно значимого понятия, который при этом остается прежним по звучанию, в изменяющихся с течением времени социально-экономических и политических условиях. Понятие «фиск», таким образом, претерпело естественную трансформацию, активная фаза которой наступила лишь после того, как заметно изменилась общественно-политическая среда, в которой появился и дол-

гое время обращался термин. В Византии такое время наступило не ранее конца VII века. До этого смысл термина тоже менялся, однако малозаметно для поверхностного взгляда, в связи с чем вопрос об идентификации «фиска» в отдельный отрезок времени, как и любого другого позднеантичного понятия, является актуальным в продолжение всего ранневизантийского периода.

Ключевую роль в решении подобного вопроса играет изучение источников выбранного временного отрезка и выявление в них отношения современников к соответствующему понятию. Применительно к императорскому фиску, который уже проделал заметную эволюцию в первые века своего существования, важно учитывать и степень изменения представления о нем к началу ранневизантийской эпохи. Как известно, всякое публичное явление по мере развития и усложнения его состава и функций обретает абстрактные черты, теряя непосредственную связь со своим создателем. Нечто подобное происходило и с фиском, хотя императоры замедляли подспудно протекавший процесс функциональной универсализации фискального имущества, всячески поддерживая принципиальное различие между фиском и государственной казной [9]. Это проявлялось, между прочим, в постоянном реформировании названных выше составных фиска, а также в сохранении в официальном документообороте соответствующей терминологии, в частности слов «фиск» и «государственная казна», не тождественных друг другу. Это направление фискальной политики свидетельствует о том, что ранневизантийские императоры уделяли собственному хозяйству особое внимание и место во внутренней политике, и предпочитали не смешивать фискальные ресурсы с финансовой массой всего

государства, хотя и имели возможность полноправно распоряжаться ею как своей собственной. *Fiscus*, в отличие от *publicum*, теоретической основой деятельности которого в продолжение почти всего ранневизантийского времени оставался публично-правовой консерватизм, управлялся и рассматривался императорской властью во многом с частноправовых позиций. Отношение к фиску не оставалось полностью неизменным; развитие этого института демонстрирует поиск императорами наиболее адекватного текущему моменту соотношения в нем частноправовых и публично-правовых составляющих. Целью настоящей работы является реконструкция подобного рода соотношения в правление Юстиниана I, для чего необходимо рассмотреть восприятие императорской властью в 20–50-е гг. VI в. понятия «фиска» и особенности использования термина «фиск» в законодательных источниках.

Методы. Соответственно, главным объектом исследования является императорский фиск как таковой, безотносительно к входящим в его состав частям. В законодательстве времени правления Юстина I и Юстиниана I (то есть собственно юстиниановской эпохи) проанализирована терминология, характеризующая субъективное отношение правящего императора к фиску. В историографии подобный метод исследования прежде не применялся.

Анализ. Принципы и направления фискальной политики, то есть императорской политики в отношении всего того, что составляло фиск в широком его понимании, сложились задолго до наступления юстиниановской эпохи². Ее в самом общем виде характеризует двойственность, порожденная правовым дуализмом римской императорской власти, при которой император являлся одновременно и публичной персоной, олицетворявшей все государство, и частным лицом, обладавшим семейными связями и личным имуществом. Фиск, изначально предназначенный для решения публичных задач за счет дополнительных по отношению к государственным финансовым средствам, неизбежно должен был со временем слиться с публичными имущественными фондами и стать единой государственной казной в распоряжении монарха. Однако за время существования фиска как финансового

учреждения этого не случилось, и причиной тому были сами императоры, сохранявшие представление о фиске как об институте одновременно публично-правовом и частном. Полной приватизации фискального имущества препятствовало глубоко укорененное в позднеантичной политической этике представление о природе императорской власти, изжитое не ранее VIII в. [1]. Окончательного же огосударствления фиска не происходило из-за принципиального нежелания большинства императоров передать в публичное пространство ресурсы, которыми можно управлять более свободно, без оглядки на общественные традиции и нормы публичного права. Таким образом, двойственность фиска и непоследовательность фискальной политики были порождением природы императорской власти, а конкретно-историческая характеристика фиска зависела от того, на какое место в правовой сфере ему определял тот или иной император. Колебания субъектов фискальной политики то в сторону усиления публично-правовой «ипостаси» фиска, то в противоположном направлении создавали эффект практически непрерывного реформирования фискальных структур и их функций³ и проявлялись в соответствующей этому процессу изменчивости содержания официальных понятий, при которой объективная необходимость в юридической дефиниции очередной структурно-функциональной новации приводила к изменению привычных фискальных терминов или вводу в оборот архаичных понятий с приданием им нового смысла [5, с. 157–160, 234–236, 368–372, 392, 436–438, 485–486].

В правление ближайших предшественников Юстиниана I, по крайней мере Анастасия I, особенностью фискальной политики становится расширительное толкование правовой природы фиска как совокупности определенных видов императорского имущества и финансовых мероприятий, что привело к формальному отождествлению фиска с финансами государства: в законодательстве Анастасия слово «фиск» встречается только в сочетании с «патроном», а в тех конституциях, где это слово должно присутствовать по смыслу, его заменяет «государственная казна» (δημόσιος)⁴. Относя к государственному имуществу те составные фиска, которые и ра-

нее обладали преимущественно публично-правовым статусом («частные имущества» и «священные щедроты»), Анастасий I объединил собственное императорское имущество в отдельную структуру со старым названием *patrimonium*, которое, таким образом, заменило узкое понятие фиска [10, с. 60–61].

Фискальная политика Юстиниана не стала в данном смысле революционной. В целом она соответствовала названным долговременным тенденциям, а отдельные ее направления прямо продолжают деятельность некоторых предшественников. Действия Юстиниана в отношении императорского имущества поэтому можно признать вполне традиционными, сделав при этом оговорку о вариативности внутри спектра видов фискальной активности. Иными словами, политика Юстиниана I в отношении фиска характеризуется некоторыми особенностями, рассмотрение которых позволяет пролить дополнительный свет на личность этого автократора и на характер его правления.

Это можно проследить, сравнивая действия Юстиниана и прежних императоров в отношении наиболее одиозных институтов фиска. Так, древний институт доносительства в фиск, некогда весьма популярный способ увеличения фискальной имущественной массы, в ранневизантийское время подвергался периодическому демонстративному осуждению со стороны императоров, пока, наконец, Анастасий I не только формально отмежевался от этого общественно порицаемого явления, но и существенно ограничил потенциальные возможности деляторов (доносителей в фиск) [10, с. 55–56]. Юстиниан I не делал по поводу доносительства и доносчиков громких публичных заявлений. Нет в источниках и указаний на сколько-нибудь активную деятельность доносителей в его правление. Предположение о том, что известные случаи конфискации (точнее – экспроприации)⁵ частного имущества в пользу государства [12, с. 334–336] были организованы лично императором при помощи доносчиков, остается необоснованным. Тем самым Юстиниан фактически продолжил политику Анастасия, фактом умолчания признав доносительство в фиск аморальным явлением, однако не пошел и дальше, не отменив его и оставив в качестве, по меньшей мере, одного из оснований для законного судопроизводства.

Другое старинное направление фискальной политики – завладение выморочным имуществом – при Юстиниане I, напротив, в сравнении с Анастасием Дикором заметно оживилось, что выразилось, кроме прочего, в заметно большем количестве посвященных этой теме конституций. По традиции недвижимость, не имевшая законного собственника, подлежала передаче какому-либо ответственному распорядителю, к числу которых в свое время был отнесен и фиск. Большинство ранневизантийских императоров демонстрировали стремление завладеть выморочным имуществом, однако встречались и такие, кто проявлял в данной сфере фискальной политики осторожность. Юстиниан в своем законодательстве обозначил собственное отношение к вопросу о принадлежности признанных бесхозными владений, и оно представляется примечательным. Согласно формулировкам его постановлений, выморочное имущество могло отойти как фиску, так и государственной казне⁶. В ряде ситуаций император уступал фискальное право виндикации иным учреждениям⁷, а казну или фиск помещал в конец очереди претендентов⁸. Обращает на себя внимание относительная мягкость позиции верховной власти, которая отказывается от законной претензии на овладение бесхозной недвижимостью, а также уравнивание юридического статуса императорского фиска и государственной казны.

Более твердую позицию Юстиниан продемонстрировал в отношении недвижимости, отнимаемой у нарушителей закона. Таковая безоговорочно отходила, как и раньше, государству или в фиск, но теперь конечным получателем оказывается, как правило, ведомство частных имуществ императора, а государственная казна фигурирует в качестве посредника⁹. В прежние времена обе организации являлись законными получателями публично экспропрированного имущества, но по точно установленным основаниям каждая¹⁰. Обычно в государственную казну «публиковалось» (от *publicare*) имущество имперских служащих (C.J. 12.63.2; Nov. 128.XXI) или осквернителей общественной морали (C.J. 1.4.33; Nov. 6), то есть нарушителей публичного права (Nov. 116.I; Ed. Just. 13.IX); фиск мог претендовать на все остальное, выражая, таким об-

разом, преимущественно частнопредварительного интереса. Новым в этом списке в ранневизантийское время стала претензия на экспроприированную собственность осужденных за преступления против церкви. С точки зрения постклассического права, ее получателем должна была выступать государственная казна, так как православие защищалось государством. Однако каждый император вполне мог зачислить себя в персональные покровители ортодоксального христианства и на этом основании претендовать на право отторгнуть имущество преступников против веры «на счета фиска». Юстиниан так и поступал. Количество виндицируемых фискальными структурами имуществ при нем заметно превышает объем недвижимости, отходившей по решению суда в государственную казну.

Аналогичная ситуация сложилась при Юстиниане и в сфере наказания за нарушение чьих-либо прав. Издревле взыскания такого рода передавались пострадавшей стороне. Сформировавшееся в римском праве понятие публичного деликта установило в качестве получателя штрафов казну государства. Позднее ее в этом потеснил фиск, приобретший функции публичной организации. В том, как император распределял изъятые по суду имущество между казной и фиском, проступает его отношение к последнему. Пример Юстиниана отчетливо показывает его стремление юридически закрепить в качестве источника пополнения имущественной массы фиска большинство известных оснований для публичной экспроприации. Государственная казна осталась безусловным получателем имущественных и денежных взысканий, пожалуй, только в случаях наказания государственных служащих, как гражданских (С.Ж. 12.63.2.2; С.Ж. 10.30.4; Nov. 128.ХХI), так и военных (С.Ж. 1.27.2.9), и только за преступления против государства. Таким образом, Юстиниан I продемонстрировал высокую степень заинтересованности в получении фиском различного имущества, изъятых у собственников за правонарушения. Впрочем, важно отметить не только данную черту его фискальной политики, но и то обстоятельство, что император продолжал рассматривать казну государства среди реально действовавших финансовых учреждений, со специфической

деятельностью и своими источниками финансирования. Государственная казна с этой точки зрения по-прежнему оставалась не равнозначной фиску структурой, более того, Юстиниан официально признал фиск частью казны государства¹¹, кажется, впервые в ранней Византии дав ему именно такое определение.

Вообще, Юстиниан был склонен рассуждать о своем собственном имуществе и его месте в государстве и системе права. Следы рассуждений подобного рода встречаются в законодательстве¹². Очевидно, использование там слова «фиск» – впервые после Льва I – было осознанным и опиралось на вполне определенное понимание его места в финансовой системе государства.

Поскольку административная эволюция фиска в основном описана [17; 9], отметим лишь наиболее значимые для разрабатываемой темы черты организационного устройства фиска при Юстиниане I. В его конституциях упоминаются следующие фискальные структуры: эрарий, фонд «священных щедрот», императорские «дома», частные имущества, патримоний и некий «тезавр». Все они сопровождаются местоименным эпитетом «наш», который вообще-то употреблялся в императорском законодательстве довольно широко и не всегда юридически корректно¹³, однако весьма точно передает положение дел в сфере финансово-имущественных отношений с участием императора. Как можно заметить, термин «государственная казна» (*publicum*, δημόσιον) всегда фигурирует без этого личного местоимения, что объясняется отсутствием у Юстиниана претензий на использование публичных финансовых ресурсов по для сугубо личных целей. На деле такое происходило нередко, но с точки зрения права не считалось нормой. Для осуществления личных целей в рамках государственной политики и были в свое время сформированы фискальные структуры публично-правового назначения. Наличие таковых в фиске Юстиниана I вместе с его личными имуществами показывает преэминентность административной линии в фискальной политике этого императора.

Естественный в данной связи вопрос о других, кроме фиска как комплексного учреждения, частях государственной казны¹⁴ тре-

бует предпринять поиск таковых методами исключения и аналогии, выявляя финансовые фонды, к которым официально не прилагался эпитет «наш», причем практика подобного словоупотребления должна иметь стабильный долговременный характер¹⁵. Анализ законодательного материала показывает, что без названного маркера принадлежности к фиску в юстиниановское время функционировали два финансовых учреждения – *ταμειακόν* и *πολιτικά*. Второй из терминов в VI в. почти всегда обозначал внутренние дела, прежде всего, – экономические и финансовые – городских общин, которые сохраняли признаки самоуправления (С.Ж. 12.63.2; Nov. 17.IV; Nov. 30.VIII). Одним из направлений так называемой куриальной политики императора Юстиниана являлось подчинение городских финансов полному контролю со стороны государства [6; 11]. Полного подчинения не произошло и, вероятно, не могло произойти по причине отсутствия или неполноты необходимых условий, одним из которых должна была оказаться готовность государства не только усвоить финансовую систему городов, но и целиком заместить социально-политическую систему в них и соответствующим образом видоизменить систему полисных ценностей городского населения. Возможно, Юстиниан искренне стремился превратить полисные финансы в часть государственной казны, однако присутствие термина *πολιτικά* в его конституциях демонстрирует незавершенность данного политического процесса¹⁶.

Идентификация в качестве части государственной казны тамейакона (*ταμειακόν*) сталкивается с большими трудностями. Этимологически данный термин связан с земельными отношениями эллинистических государств Востока, где он обозначал государственные (то есть царские) угодья (например, [8, с. 44]). В ранней Византии *ταμειακόν* появляется в законах Зенона в латинской транскрипции¹⁷ и в контексте, который не позволяет усомниться в том, что этот старинный институт и в конце V в. продолжал функционировать в прежнем своем качестве царского имущества, не отделенного отчетливо от государственных финансов. Особый юридический статус тамейакона подчеркивался сохранением его оригинального названия. Несмотря

на то, что в законодательных источниках V–VI вв. этот вид имущества ассоциирован и с государственной казной, и с частным имуществом императора (Nov. 30), современные исследователи однозначно видят в нем только фискальное имущество, тождественное «божественным домам» [7; 22, р. 163–165], то есть относящееся к частноправовой составной фиска, игнорируя то обстоятельство, что, помимо отсутствия при термине *ταμειακόν* местоимения «наш», среди фискальных терминов юстиниановской эпохи одновременно с тамейаконом существовали и те самые «божественные дома», неизменно бывшие «нашими», а само слово *ταμειακόν* было производным от *ταμειῶν*¹⁸ и, следовательно, должно было означать часть казны, предназначенной для удовлетворения публичных нужд правящего императора (Nov. 30.VI). Таким образом, нельзя не увидеть в *ταμειακόν* те же специфические черты, которые были свойственны позднеантичному фиску, объявленному верховной властью частью государственной казны. И фиск, и тамейакон представляли собой институты, в которых сочетались права и обязанности субъектов публичного и частного (императорского) права одновременно. При этом величина каждой правовой ипостаси в том и другом институтах определялась субъектом фискальной политики, заинтересованным в сохранении подобного правового дуализма. Сложность интерпретации статуса *ταμειακόν* создается эндемичностью составляющих его недвижимых имуществ. Эти поместья в Каппадокии «и в других провинциях диоцеза Понтики» (Nov. 30.I.1) сохраняли свой изначальный статус отдельного ведомства в государственной казне, отличного от более молодого, хоть и похожего на него фиска.

Данный вывод, впрочем, не решает вопроса о причинах отсутствия при термине «тамейакон» эпитета «наш» как маркера частноправовой природы учреждения. Вероятно, данная особенность была следствием все той же традиции, в рамках которой существовал в ранней Византии этот эндемичный эллинистический институт, который изначально не нуждался в подобном уточнении. Нечто подобное наблюдается и в отношении контекстного употребления термина «фиск», например, в словосочета-

нии «патрон фиска», где слово «наш» никогда не появлялось ни при Юстиниане I, ни до него.

Что касается применения эпитета «наш» к термину «фиск» в законодательных источниках юстиниановской эпохи, то оно не отличалось своеобразием в сравнении с любым другим периодом ранневизантийского времени. Законы Юстиниана, в которых фиск фигурирует без личного местоимения, в сумме приблизительно в полтора раза превышают конституции, где использовано выражение «наш фиск». При этом контекст не имел значения: с эпитетом или без него, фиск мог выступать и как частное, и как публичное лицо, что означает, что всех ранневизантийских императоров, включая Юстиниана, устраивала правовая двойственность фиска, которая подчеркивалась вариативностью личного отношения к нему со стороны императора.

Тем не менее в ряде случаев, описываемых в законах, правовая двойственность фиска продемонстрирована вполне определенно и, видимо, сознательно. Как частное лицо фиск при Юстиниане продолжал действовать в своем праве¹⁹. В Кодексе Юстиниана (C.J. 10.1) и Дигестах (Dig. 49.14) имеются соответствующие главы, составленные из более раннего материала, и, хотя там говорится скорее о прерогативах фиска в системе частноправовых отношений, имеет значение позиция императорской власти, все еще признающей свой фиск объектом частного римского права. Фиск в типичных частноправовых ситуациях, в общем, равен прочим участникам отношений²⁰. Таких случаев в законах Юстиниана приведено немного, что может свидетельствовать как в пользу сокращения частноправовой деятельности фиска, так и в пользу того, что повседневная правовая практика, будучи давно урегулированной, не нуждалась в новых регламентациях со стороны законодателя. Важнейшим показателем реального положения фиска здесь было бы перечисление его налоговых обязательств перед государственной казной.

Исчерпывающих сведений такого рода ни в одном из известных источников юстиниановского права нет, но некоторые данные о том, что с фискальных имуществ производилась регулярная выплата подоходного налога, там все же имеются. Так, в Дигесты Юстиниана включены высказывания признанных

юристов Папиниана и Гермогениана, о налоговом бремени имений фиска [4, с. 281 (Dig. 49.14.36), 287 (Dig. 49.14.46.5)]; в попавшей в Кодекс Юстиниана конституции Зенона упоминаются налоговые сборы, которые должны были выплачивать императору вместе с рентой приобретатели его поместий как обычные частные владельцы (C.J. 11.69.2); наконец, и сам Юстиниан проговаривается в новеллах о существовании у колонов в императорских поместьях налоговых обязанностей в пользу государства²¹. Таким образом, фиск при Юстиниане выступал перед государством в роли налогоплательщика, пусть и привилегированного. Эта парадоксальная на первый взгляд ситуация на самом деле вполне нормальна и даже логична для позднеантичных социально-политических реалий, которые признавала и признавала и сама императорская власть.

В данной связи не вызывает удивления желание Юстиниана сохранять в юридическом обиходе термин «фиск» как таковой, несмотря на давнюю практику использования нескольких его заменителей (вроде «нашего эрария»), а также на уникальную возможность отказаться от устаревшего латинского слова, предоставленную заявленным Юстинианом переходом в законодательной сфере с латыни на преимущественно греческий язык. Юстиниан I с присущим ему правовым новаторством [13] вполне мог изъять из юридического оборота это ставшее во многом анахронизмом понятие, к тому же символизировавшее относительность императорского могущества, заявляемого имперской пропагандой. В самом деле, зачем императору понадобилось воспроизводить термин *fiscus* по-гречески²², если его можно было без труда заменить естественными в греческом дискурсе синонимами принятого в латыни обозначения фиска (*aerarium*) – ταμείον или θῆσαυρος, или же напротив, принять в качестве определения для всех имперских финансов другой старинный термин – δημόσιος? Ответ только один – Юстиниан не был готов к подобному замещению по причине того, что фиск продолжал существовать в качестве важного политического и экономического института с собственным лицом и наименованием, предполагавшим его традиционное восприятие современниками.

Результаты. Анализ законодательного материала юстиниановской эпохи, имеющего отношение к институту императорского фиска, показал, что Юстиниан I продолжал фискальную политику, проводившуюся его предшественниками – Зеноном и Анастасием I, которые более заметно, чем другие императоры, обособляли в фиске свое личное имущество. Однако, в то время как названные императоры избегали использовать в законах термин «фиск», Юстиниан делал это нарочито, причем в законах, опубликованных как на латыни, так и на греческом языке.

Эта формальная, но очень показательная черта фискальной политики Юстиниана I подчеркивает личное его отношение к древнему учреждению. Он действовал в рамках традиции, которая предполагала некоторую вариативность в пределах устоявшихся форм, и всячески подчеркивал свое следование традициям в фискальной политике. Он сохранил в законодательстве многие устоявшиеся формы, содержавшие слово «фиск»; он напомнил в своих конституциях и созданных по его распоряжению юридических источниках о некогда сложившихся и уже не везде действовавших функциях императорского фиска как частноправовой структуры – о доносительстве в фиск, об основаниях и порядке фискальной виндикации имущества частных лиц, о праве фиска на получение штрафов.

Перфекционистское стремление подтвердить древние права фиска привело к обновлению дефиниции его правового статуса. Впервые в истории фиска он был описан как часть государственной казны, с которой он отождествлялся по своей публично-правовой деятельности.

Фискальная терминология не занимает в законодательстве Юстиниана большого места, однако специфика ее использования, включая очевидно персональное отношение к понятию «фиск», позволяет сделать вывод о рациональности фискальной политики этого императора, что предполагало некое изучение имевшегося опыта и разработку актуальных направлений, одним из которых стало наведение порядка в системе управления имуществами фиска. Тем самым фискальная политика Юстиниана I оказывается органической частью всей его деятельности во главе государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Следование этой традиции привело в дальнейшем к тому, что и в исторической науке, в том числе занятой изучением поздней античности, фиском стали считать общегосударственные финансовые ресурсы, которые в действительности охватывали не только собственно фискальные, но и все известные имперские и императорские фонды (см., например: [18, р. 274–312; 2, с. 228; 14, с. 235]).

² Краткий обзор фискальной политики до начала VI в., а также определение этого понятия см.: [10, с. 43–66].

³ Подробнее об этом см.: [17].

⁴ Например, [16, р. 84(1.34.1), 100–101 (2.7.22; 24)] (далее – С.Ж. с принятым обозначением конституции или ее части римскими и арабскими цифрами).

⁵ Слово *confiscatio* в официальном ранневизантийском словообороте не встречается. Применительно к фиску соответствующее действие обычно описывалось частноправовым термином *vindicatio*, применительно к государственной казне – *publicatio*.

⁶ Ср.: С.Ж. 6.51.1.13: в эрарий (здесь – это часть фиска); [23, р. 685–686 (Nov. 134.X)]: в фиск (φίσκω), и [23, р. 162–163 (Nov. 22.XXII)]: в казну (δημόσιον) (далее – Nov. с общепринятым числительным обозначением конституции и глав в ней).

⁷ Например, ортодоксальной церкви (С.Ж. 1.5.15; С.Ж. 17) и курии (Nov. 89).

⁸ С.Ж. 6.51.1.14a: *fiscum*; Nov. 1.I: *δημόσιον*.

⁹ Наиболее яркие примеры – в Nov. 58, где дома, в которых незаконно совершаются таинства, подлежат «обобществлению» (*δημόσια*) с последующей передачей в *ταμείον* (об этом имеющем отношении к фиску учреждении ниже); Nov. 112.II: *δημῶσει ... φίσκω*; Nov. 142.I.

¹⁰ См., например, Nov. 117.VIII: в фиск согласно древним законам; Nov. 134.XIII: согласно древним законам, или в казну, или в фиск.

¹¹ Nov. 129 (*passim*): *δημοσίου μοῖραν*.

¹² Например: С.Ж. 6.51.1.14: «нашему частному имуществу должно быть предоставлено то, что полезно всем, что мы и постановили, полагая, что наша собственность является выгодой и для поданных»; С.Ж. 7.37.3.1: «императоры передают кому-либо вещи не из своего частного имущества, но из фискальных имуществ»; Nov. 104.2: «Сицилия всегда была чем-то вроде личной выгоды императоров».

¹³ Ср.: «наши сенаторы» (Nov. 74.IV.1), «наши подданные» (Nov. 78), «наш город» (Nov. 80.IV), «наше государство» (Nov. 81), «наши архонты» (Nov. 82).

¹⁴ Nov. 129.Pr.: *δημοσίου μοῖραν ἐτέραν*; IV: *πᾶσαν ἄλλην τοῦ δημοσίου μοῖραν*.

¹⁵ Поскольку эпитет «наш» мог применяться от случая к случаю; тот же «фиск», например, обрел его нерегулярно, и отсутствие притяжатель-

ного местоимения «наш» рядом с ним в том или ином императорском постановлении заслуживает отдельного рассмотрения в ином, нежели дуалистическая конструкция фиск – казна, свете.

¹⁶ В них τὰ πολιτικά чаще всего упоминаются в одном контексте с δημόσια: С.Ж. 12.63.2.6; Nov. 17.IV.1; Nov. 88.II.

¹⁷ С.Ж. 11.69.2: fundi tamiaci iuris.

¹⁸ [21, р. 91]: «быть квестором (то есть казначеем)»; [3, кол. 1225]: в узком смысле – «наполнять казнохранилище».

¹⁹ С.Ж. 3.1.13.1 (530 г.): ius fiscale.

²⁰ Например, в сфере обязательств: С.Ж. 10.8.3.

²¹ Например, Nov. 30.III: «они доставляют сборщикам обременение в пользу государственной казны».

²² С.Ж. 1.5.17; Novv. 112; 115; 117; 123; 124; 128; 129; 134. Стоит отметить, что ни одного случая использования греческой кальки слова «фиск» не приходится на время реформ 530-х годов.

REFERENCES

1. Valdenberg V.E. *Gosudarstvennoe ustroystvo Vizantii do kontsa VII veka* [State System of Byzantium up to the 7th Century]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2008. 224 p.
2. Vasilyev A.A. *Istoriya Vizantiyskoy imperii. Vremya do Krestovyykh pokhodov (do 1081 g.)* [History of Byzantine Empire (Up to 1081)]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 1998. 512 p.
3. Veisman A.D. *Grechesko-russkiy slovar* [Greek-Russian Dictionary]. Saint Petersburg, Avt. izd., 1899. 1371 col.
4. Kofanov L.L., ed. *Digesty Yustiniana* [The Digest of Justinian]. Vol. VII/2. Moscow, Statut Publ., 2005. 564 p.
5. *Zakonodatelnye pamyatniki administrativnoy i finansovoy politiki ranney Vizantii. Pt. I: Period 364–491 gg.* [Legislative Sources of the Administrative and Financial Policy of the Early Byzantium, 364–491]. Barnaul, AzBuka Publ., 2004. 544 p.
6. Kurbatov G.L. *Osnovnye problemy vnutrennego razvitiya vizantiyskogo goroda v IV–VII vv.* [Main Problems of Domestic Development of the Byzantine City in the 4th to 7th Cent.]. Leningrad, LGUPubl., 1975. 256 p.
7. Levchenko M.V. *Materialy dlya vnutrenney istorii Vostochnoy Rimskoy imperii V–VI vv.* [Documents on the Internal History of the East Roman Empire]. *Vizantiyskiy sbornik* [The Byzantine Collection]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1945, pp. 12–94.
8. Pavlovskaya A.I. *Egipetskaya khora v IV v.* [Egyptian Chora in the 4th Cent.]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 256 p.
9. Serov V.V. *Razvitie sistemy upravleniya imperatorskim fiskom v III–VI vv.* [Development of the Administrative System of Emperor's fiscus in the 3rd–6th Cent.]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Ancient Antiquity and Middle Ages], 1998, vol. 29, pp. 165–175.
10. Serov V.V. *Finansovaya politika rannevizantiyskogo imperatora (analiz meropriyatiy Anastasiya I)* [Financial Policy of an Early Byzantine Emperor (Analysis of the Anastasius I's Measures)]. Barnaul, APK Publ., 2000. 208 p.
11. Serov V.V. *K voprosu o meste kuriy v rannevizantiyskom gosudarstve: finansovyy aspekt* [To the Question on the Position of curiae in Early Byzantium: A Financial Aspect]. *Vizantiyskiy vremennik*, 2001, vol. 60 (85), pp. 46–55.
12. Serov V.V. *Finansovaya politika imperatora Yustiniana Velikogo* [Financial Policies of Justinian the Great]. Barnaul, AzBuka Publ., Novosibirsk, Nauka Publ., 2011. 375 p.
13. Smetanin V.A. *Uzlovye problemy vizantiyskogo prava* [Key Problems of the Byzantine Law]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Ancient Antiquity and Middle Ages], 1999, vol. 30, pp. 62–64.
14. Udaltsova Z.V. *Sotsialno-ekonomicheskaya i administrativnaya politika Yustiniana* [Social, Economic, and Administrative Policy of Justinian]. *Istoriya Vizantii* [History of Byzantium]. Moscow, Nauka Publ., 1967, vol. 1, pp. 219–245.
15. Brandes W. *Finanzverwaltung in Krisenzeiten. Untersuchungen zur Byzantinischen Administration im 6.–9. Jahrhundert.* Frankfurt am Main, Löwenklau-Gesellschaft e. V., 2002. 789 p.
16. Krüger P., ed. *Codex Justinianus.* Berlin, Apud Weidmannos, 1906. 520 p.
17. Delmaire R. *Largesses sacrées et res privata. L'aerarium imperial et son administration du IVe au VIe siècle.* Roma, Palais Farnèse, 1989. 759 p.
18. Diehl Ch. *Justinien et la civilisation byzantine au VIe siècle.* Paris, Ernest Leroux, 1901. 736 p.
19. Jones A.H.M. *The Later Roman Empire 284–602. A Social, Economic, and Administrative Survey.* Baltimore, The Johns Hopkins University Press, 1986. 1518 p.
20. Karayannopoulos J. *Das Finanzwesen des Frühbyzantinischen Staates.* München, R. Oldenbourg, 1958. 308 p.
21. Mason H.J. *Greek Terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis.* Toronto, Hakkert, 1974. 207 p.
22. Métivier S. *La Cappadoce (IVe–VIe siècle). Une histoire provinciale de l'Empire romain d'Orient.* Paris, Sorbonne, 2005. 496 p.
23. Schoell R., Kroll G., eds. *Novellae.* Berlin, Apud Weidmannos, 1954. 805 p.

Information About the Author

Vadim V. Serov, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Barnaul Orthodox Seminary, im. Yadrintseva Lane, 66, 656008 Barnaul, Russian Federation; Professor, Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University, Dimitrova St, 66, 656099 Barnaul, Russian Federation, wseroff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0348-5499>

Информация об авторе

Вадим Валентинович Серов, доктор исторических наук, доцент, профессор, Барнаульская православная духовная семинария, пер. им. Ядринцева, 66, 656008 г. Барнаул, Российская Федерация; профессор кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Алтайский государственный университет, ул. Димитрова, 66, 656099 г. Барнаул, Российская Федерация, wseroff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0348-5499>